

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЕ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ПО УНИФИКАЦИИ ИМПЕРСКИХ ОКРАИН НА ПРИМЕРЕ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО

THE RUSSIAN EMPIRE AND ITS NATIONAL POLICY: REALIZATION OF THE IMPERIAL PROJECT ON TERRITORIES HARMONIZATION ON THE EXAMPLE OF THE KINGDOM OF POLAND

I. Mamaev

Annotation

The article dissects the Russian empire's national policy towards its territories in the context of the Kingdom of Poland from the perspective of the notion of empire and the historic uneven development concept. The analysis shows that the Russian empire incorporated many peoples and nations which were on different stages of their historic development and played a civilizing role. With the use of its imperial paradigm the Russian empire stimulated historic evolvement of less-developed nations and peoples and by doing so it was trying to create a homogeneous space. However, when dealing with highly-developed nations, for example with the Poles, Russia had to conduct tough russification policy within the Polish territories and to integrate them into its imperial organism to realize its own historic mission.

Keywords: empire, national policy of the Russian Empire, the Kingdom of Poland.

Мамаев Илья Андреевич

Московский

*государственный институт
международных отношений*

Аннотация

В статье рассматривается национальная политика Российской империи в отношении ее окраин на примере Царства Польского через призму концепции империи как социо-культурного феномена, а также через призму закона о неравномерном историческом развитии. В результате анализа автор приходит к выводу о том, что Российская империя, вобравши в себя народы, находящиеся на совершенно разных этапах своего исторического развития, играла цивилизаторскую роль и подтягивала менее развитые народы до общеимперского уровня развития, создавая тем самым единое гомогенное пространство. Однако, в случае с польским народом, по уровню развитию не уступающим империи, и даже где-то ее опережающим, Россия была вынуждена проводить жесткую политику русификации польских территорий и интеграции их в свой состав для выполнения своей роли как империи.

Ключевые слова:

Империя, национальная политика Российской империи, Царство Польское.

Разделы Речи Посполитой и Наполеоновские войны перевели российско-польские отношения из плоскости внешнеполитической конкуренции обоих государств на международной арене за господство в Восточной Европе в плоскость внутривнутриполитической проблемы Российской империи. С точки зрения внутренней политики царизма, польский вопрос заключался во всеобъемлющей интеграции польских территорий в имперский организм России, а также в превращении польского населения, главным образом польского шляхетства, в верноподданных царской династии и носителей имперской идеи (парадигмы) в рамках проекта унификации имперского пространства. Имперская парадигма вытекает из самого понятия империя, под которой подразумевается конгломерат народов, образующих единую политическую, экономическую и культурную систему, где ведущая и определяющая роль принадлежит центру, который определяет наполнение парадигмы.

Иными словами империя не государство, а форма объединения обществ и система их коммуникаций и взаимодействий, при помощи общеимперской идеи осуществляемых в рамках гетерогенного пространства. Имперская парадигма являлась одновременно системой и иерархией ценностей, централизованным конструированием норм и масштабным производством легитимности, развертывающейся в существующем пространстве. Данную систему, чтобы указать на ее структурную логику, порой незаметную, но распространяющуюся на всех участников в рамках всеобщего порядка, можно описать, пользуясь термином "правление без правительства"[1, с.26].

Империя создает пространство, в котором население вследствие воздействия на них диспозитивов (общих правил поведения) само подчиняется системе и ее дисциплине и автоматически является носителям соответ-

ствующей имперской картины мира. Как следствие легитимность имперского порядка служит обоснованием использования права на насилие. Классическим примером является Римская империя. Она вобрала в себе огромные пространства, населенные разными этносами и народностями, однако фактически это не препятствовало восприятию Рима как трансцендентного порядка, который в итоге принял характер единства в многообразии. Преодоление дихотомии и гетерогенности пространства стало главной задачей Рима не только с целью обеспечения внутренней стабильности, но и для реализации своего исторического смысла. Рим играл важную прогрессивную роль для всех своих окраин, поскольку он предоставлял им условия для более быстрого исторического развития за счет своей экономической, политической и культурной развитости и тем самым "подтягивал" окраины на более высокий уровень. Однако, когда окраины по уровню своего социального экономического и политического развития достигают уровня центра, империя как явление теряет свое смысловое наполнение, исчерпывает свой потенциал и становится явлением реакционным и как следствие распадается [2, с.3]. Это и произошло с Римом. Римские провинции достигли приемлемого уровня развития, который позволил им развиваться не только автономно, но вскоре и независимо от центра.

Пример Римской империи в этом плане показателен, поскольку Риму удалось решить вопрос, связанный с унификацией имперского пространства, по нескольким причинам. Во-первых, Римская империя никогда не включала в свой состав территории, имеющие возможность конкурировать с центром. Во-вторых, Рим создал эффективную систему диспозитивов, которые определяли поведение населения. Так, Римскую империю называли *Pax Romana*, то есть мир, функционирующий на основе договора, а в более фундаментальном смысле на основе закона *lex*, который обрел форму вселенской власти [2, с.3]. Тем самым понятие гражданин Рима стирало рамки между этносами, создавая при этом у людей чувство равенства и принадлежности к единой системе. Имперский опыт Рима является историческим образом того, как на практике реализуется закон неравномерности исторического развития, суть которого заключается в том, что империи, являясь на определенном этапе, когда периферия находится на более низком уровне развития, лидерами для своих окраин, распадаются тогда, когда эти окраины достигают уровня развитости центра. Данный закон приемлем и для Российской империи.

Любая территория, входившая в состав Российской империи, так или иначе, подвергалась воздействию определенной имперской парадигмы, сводившейся к теории Москва – Третий Рим; теории официальной народности и гипертрофированной роли государства.

Для большинства народов, например, Сибири, Кавказа и Средней Азии процесс синтеза их политических, культурных и социальных структур с аналогичными системами империи был прогрессивен вследствие огромной разницы в уровне развития центра и присоединенных территорий. Как следствие диспозитивы, действующие в рамках империи, были приемлемы для этих народов и процесс формирования носителей имперской парадигмы из представителей этих народов не был сопряжен с какими-либо трудностями.

Процесс вхождения Сибири в состав России, начавшийся в конце XVI века, стал одной из наиболее важных вех во всей истории колонизации земель Россией. Уже к середине XIX века не вызывал сомнения тот факт, что Сибирь стала неотъемлемой частью организма Российской империи. Это было достигнуто посредством взвешенной национальной политики, которая сводилось к следующим мероприятиям. Сначала шел процесс освоения новых земель первопроходцами, что давало историческое право империи на данные территории. Впоследствии создавались опорные военно-промышленные пункты и устанавливался периметр внешней границы (рубежа), целью которого было обеспечение безопасности и формирование имперского тыла [3, с.231]. Также в целях обеспечения безопасности внешних границ Царская Россия размещала вдоль границ вооруженные силы (регулярные и иррегулярные – войска казаков) и основывала города, игравшие роль военно-административных центров. Это впоследствии позволяло верховной власти создавать имперскую инфраструктуру (телеграф, дороги) и переходить к культурной экспансии (строительство церквей, школ). Последним этапом внутренней колонизации территории было поглощение империей территории посредством создания унифицированных управленческих институтов (создание специальных судебных, военных и иных структур).

Важным аспектом национальной политики было взаимоотношение Российской империи с местными народами. К началу XVII века этнолингвистическая карта Сибири включала несколько десятков общностей, численностью около двухсот тысяч человек, говорящих на разных языках [4, с.34] и по уровню развития находящих на стадии разложения родоплеменного строя. Имперские власти пытались интегрировать народы Сибири в общероссийскую систему политических, экономических и главным образом культурных связей, проводя политику вовлечения местного населения в государственную деятельность и сельскохозяйственные работы. Более того, проводилась постепенная христианизация инородцев, однако, империя не стремилась к полному подчинению местных народов, но, напротив, понимала абсурдность слома традиций, поскольку такая политика могла привести к нежелательным политическим осложнениям.

Если на западных окраинах империи, например, в Польше и Финляндии создававшаяся правовая система могла опереться на европейские источники права, то на восточных окраинах правовая система народов была иной. Поэтому империя не ломала существующую систему управления, но и не отказывалась от намерения интегрировать ее в имперский государственно-правовой механизм [5, с.34]. Интеграция права автохтонного населения в единое имперское правовое пространство было прогрессивно (чего нельзя сказать про европейское право, которое противоречило сути и содержанию Российской империи), поскольку правовые традиции местных народов не противоречили тем принципам, которые легли в основу общеимперского законодательства. В итоге происходило сращивание правовых систем и как следствие становление Сибири как неотъемлемой части империи. Таким образом, краткий анализ отношений Российской империи и присоединенной к ней Сибири позволяет сделать следующие выводы. Российская империя проводила колонизацию территорий на основе своего мощного политического, экономического и культурного потенциала, который превосходил уровень развития населяющих Сибирь народов. Иными словами, Российские власти имели дело с народами дофеодального периода с низко развитой культурой и слабым военным потенциалом. Также у народов Сибири отсутствовали правовые традиции, такие как в европейских государствах и развитые экономические отношения, а культура не могла конкурировать с культурой империи. Для самого автохтонного населения Российская империя была лидером, который мог вывести их на более высокий уровень развития.

Польские территории значительным образом отличались от других национальных окраин Российской империи.

Во-первых, на момент их присоединения Речь Посполитая представляла собой не только государство с восьмисотлетней историей, но и в прошлом континентальную державу, которая претендовала на гегемонию в Восточной Европе. Все это значительным образом отразилось на ментальной картине мира поляков (в лице шляхты), которые стали олицетворять свое государство в качестве *orbis terrarum* (как некое совершенное пространство) с идеальным политическим и социальным устройством и с единственной правильной католической верой.

Во-вторых, Польша, будучи одним из главных католических центров в Европе и одной из сильнейших держав своего времени, стала непримиримым врагом России, вследствие ее стремлений расширить свои территории и установить свое господство на Украине и Белоруссии.

В-третьих, социальная структура польского общества, в особенности положение свободолюбивого дворянства, намного отличалось от положения того же дворянства в Российской империи, которое во многом было зависимо от монархии.

В-четвертых, Польша была источником прогрессивных правовых традиций, сформированных под воздействием европейского права (Польша – первое государство в Европе, принявшее Конституцию). Все это является подтверждением того, что Польша по уровню развития могла конкурировать с имперской системой. Поэтому неизбежным стало столкновение двух парадигмальных систем, польской и российской. Это вылилось в многочисленные восстания на территории Царства Польского, самые крупные из которых произошли в 1830–1831 гг. и в 1863 году.

Таким образом, развитые польские территории стали инородным телом в организме Российской империи. Как следствие социально-экономическая и культурная интеграция неизбежно грозила в будущем деструкцией, поскольку утрачивается смысл империи как лидера для окраин и как источника прогрессивного развития. Имея превосходящие политические и военно-административные силы имперского механизма, царизм сосредоточил свое внимание на политике, целью которой была попытка сдвинуть польскую парадигму и навязать общеимперскую.

Активные действия имперских властей не заставила себя долго ждать. Они начались еще во время самого восстания 1863 года, а именно с подготовки реформ, которые нанесли удар по основной социальной и экономической базе восстания – дворянству. Во-первых, согласно распоряжениям Муравьева, которые распространились не только в Северо-Западном крае, но и в Царстве Польском, польские помещики были обложены временным 10 % денежным сбором, поместья участников восстания обложили 20–30 % сбором, помещики русского и остзейского происхождения платили 5 % сбор, позже сокращенный до 2,5 %. Более того, за материальный ущерб казне особыми сборами были обложены имения, на территории которых проходили нападения на власть и верных императорской короне людей. В итоге польское дворянство заплатило около 2,6 миллиона рублей [6, с.144]. Имущество восставших было секвестрировано, к началу 1864 года было урезано около 370 имений, тем самым был нанесен мощный удар по материальной базе повстанцев. Во-вторых, затуханию восстания способствовало проведение аграрной реформы. В ноябре 1863 года Н. Милютиним был представлен проект, а в 19 февраля 1864 года он был обсужден и подписан Александром II. Первая статья провозглашает право собственности на землю для крестьян: "Земли, состоящие в пользовании крестьян (т.е. крестьянские усадебные участки) в имениях, принадлежащих частным лицам, майоратным владельцам, ин-

ститутам (разным учреждениям) и казне, поступают в полную собственность крестьян, теми землями владеющих"[7]. Вторая статья отменяла любого рода повинности помещикам со стороны крестьян: "С 3 [15] апреля сего 1864 года крестьяне освобождаются навсегда ото всех без исключения повинностей, которыми они обложены были в пользу владельцев имений, как-то: барщины, денежного откупа, хлебного оброка, чинша, данин и т.п"[7]. Статьи 15, 16, 17 закрепляли за крестьянами право охоты и рыбной ловли; сдачи в наем, залога и продажи имения, а также право на пропинацию, то есть право на производство и продажу алкоголя. Статья 28 определяла повинность в размере 2/3 чинша.

Следующей реформой было изменение территориальной структуры Царства Польского "Положением о губернском и уездном управлении в губерниях Царства Польского", согласно которому число губерний было увеличено до 10. А согласно указу от 11 января 1874 года должность наместника упраздняялась и вводилась должность генерал-губернатора: "Управление Царством Польским вверяется генерал-губернатору и состоящей под его председательством канцелярии"[8]. Данные реформы не только обеспечивали скорейшую политическую ассимиляцию данных земель с Российской империей, но и приравнивали статус Царства Польского к статусу, например, Сибири, иными словами, польские территории больше не воспринимались как нечто особенное в "теле" Российской империи. Еще при Николае I главной задачей, поставленной перед генерал-губернаторским корпусом императора, а затем неоднократно подтверждаемой его преемниками на престоле, стала инкорпорация управляемых ими территорий в общеимперское пространство[9, с.126]. В 1853 году император утвердил "общую инструкцию генерал-губернаторам", которая составила правовую основу их деятельности. Генерал-губернаторы назначались только императором и "по особому личному к ним доверию Его Императорского Величества". Там же был определен характер их должности как главных блюстителей "неприкосновенности верховных прав Самодержавия, пользы Государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего Правительства по всем частям управления во вверенном им крае" [9, с.127].

В 1866 году на территории Царства Польского было введено уголовное право Российской империи, а годом позже был упразднен: Государственный Совет, Совет управления Царством Польским, а также правительственные комиссии (своего рода министерства внутри Царства Польского): "В указе Нашем, данным Правительствующему Сенату 28 марта 1867 года, Мы возвестили волю Нашу принять меры к полному слиянию губерний Царства Польского с прочими частями Державы Нашей и с сею целью упразднить все централь-

ные в Царстве правительственные учреждения, с подчинением местных по каждому ведомству управлений заведыванию подлежащих Министерств в Петербурге"[10]. Отдельным указом императора была упразднена Правительственная Комиссия Внутренних Дел в Царстве Польском.

В 1875 специальным указом[11] императора был введен в действие судебный устав 1864 года, согласно которому источником судебной власти была имперская власть, которая назначала судей на должности, а также отзывала их: "Всякая судебная власть в Царстве Польском даруется Нами и действует Нашим именем. Право миловать и смягчать наказания принадлежит лишь Нам <...> Судебные места составляются из Судей, назначаемых Нами и Судей избираемых, по определенному для сего особым Уставом порядку"[11]. Судопроизводство было переведено на русский язык, что означало невозможность использования польского языка во время судебных разбирательств, а полякам было запрещено занимать должности в судебных органах: "<...> поэтому целесообразнее не разрешать полякам занимать должности в судебных палатах, окружных и даже мировых судах"[12].

В итоге на польских территориях, которые прогрессивно развивались в русле западноевропейского права в течение по крайней мере около ста лет, процессы либерализации судебной системы под влиянием Российской империи замедлились. Судопроизводство, до 1864 года служившее в чем-то примером для русских юристов, позднее было унифицировано согласно общеимперскому образцу. Кульминацией всего процесса русификации стало исчезновение названия Царство Польское из официальных документов империи. С 1887 года по отношению к польским территориям стали применять название Привислинский край.

Специфика имперской парадигмы России во много определяла контекст взаимоотношений периферии и центра. Успех этих взаимоотношений определялся главным образом готовностью национальных окраин к перенятию соответствующей идеологии. Как следствие менее развитые народы, например народы Сибири, беспрепятственно интегрировались и становились носителями имперской картины мира. Поляки, напротив, обладая развитой политической культурой, государственными, правовыми традициями и своей уникальной картиной мира, могли конкурировать с общеимперской системой, ставя под сомнение прогрессивность утверждения политического и культурного превосходства империи в Царстве Польском и как следствие реализации Российской империи своего смысла и предназначения. Поэтому для осуществления своей роли как империи, территории которой должны быть унифицирова-

ны, решением польского вопроса могло стать только интеграция Царства Польского в состав России за счет жестких мер, даже если они тормозили процесс развития польских территорий. Иначе роль России как лидера и прогрессивного источника развития для нацио-

нальных окраин была бы исчерпана. Именно в контексте взаимоотношений Российской империи и Царства Польского в полной мере отображается суть феномена империи и реализуется закон неравномерного исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хардт М., Негри А. Империя Пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004 – С. 440
2. Уколова В.И. Империя: исторический опыт Рима // Вестник МГИМО (У) МИД России. – 2008. №2.
3. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX века. М.: 1996. С. 682
4. Небольсин П.И. Покорение Сибири М.: Вече, 2014. С. 356
5. Дамешек Л.М., Ремнев А.В. и др. Historia Rossica. Окраины Российской империи Сибирь в Составе Российской империи. М., Новое литературное обозрение, 2007. С. 368
6. Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае во второй половине 1850–х–1870–х годах М., 2003
7. Указ об устройстве крестьян Царства Польского ст.1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/poland63.htm> (дата обращения: 01.05 2015)
8. Учреждение Управления Губернского Отделение первое О Губернаторе ст.9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.textreferat.com/referat-6495-35.html> (дата обращения: 01.05 2015)
9. Злобин Ю.П. Генерал-губернаторства в системе российского регионального управления в XIX – начале XX века // 2014. Вестник ОГУ №7 (168)/июль
10. Указ Именной, данный Сенату 29 февраля 1868 года. Об упразднении Правительственной Комиссии Внутренних Дел в Царстве Польском и дополнительных правил к Высочайше утвержденному 19 (31) декабря 1866 года Положению о губернском и уездном управлении в губерниях Царства Польского: ПСЗ Российской империи. Собрание второе. Том 43. Отделение первое. 1868. СПб., 1873. С. 173–1
11. Указ Именной, данный Сенату 19 февраля 1875 года. О введении в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 года в Царстве Польском. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том 50. Отделение первое. 1875. СПб., 1877. С. 152–153. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.textreferat.com/referat-6495-35.html> (дата обращения: 01.05 2015)
12. Судебно-статистические сведения и соображения о введении в действие судебных уставов 20-го ноября 1864 г. Ч. 1. СПб., 1866.

© И.А. Мамаев, (iyamamaev096@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

